

Александр
Агафонов

В ореоле Лунной радуги

Творчеству писателя
Сергея Ивановича Павлова
посвящаю

Александр Агафонов

В ореоле Лунной радуги

«Издательские решения»

Агафонов А. И.

В ореоле Лунной радуги / А. И. Агафонов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-747506-2

Вестники Будущего. О жизни, творчестве и думам о грядущем Сергея Ивановича Павлова, замечательного советского, российского писателя-фантаста.

ISBN 978-5-44-747506-2

© Агафонов А. И.
© Издательские решения

Содержание

В ореоле Лунной радуги	6
Научная фантастика и фэнтези	7
Причины появления научной фантастики	10
Три кита	12
Градус широты	14
Школа Ефремова	16
Интервью в эпистолярном жанре	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

**В ореоле Лунной радуги
Творчеству писателя-фантаста
Сергея Ивановича Павлова посвящаю
Александр Иванович Агафонов**

© Александр Иванович Агафонов, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

В ореоле Лунной радуги

[Книжный вариант; полные варианты: www.razumei.ru/lib/article/1712 и www.moonrainbow.ru/forum/viewtopic.php?t=928.]

Мэтр североамериканской фантастики Гарри Гаррисон (Генри Максвелл Демпси) в интервью, данном перед приездом в Россию, заявил, что научная фантастика умерла:

- Что, по вашему мнению, сейчас происходит с научной фантастикой?
- Ничего хорошего.
- Мне кажется, что ваше поколение не оставило преемников. Я права?
- Абсолютно. Та научная фантастика, на которой я вырос, умерла.

Прав ли мэтр? И если да, то стоит ли горевать по «умершей»?..

Научная фантастика и фэнтези

«...Уже хрестоматийным примером стала фраза отца практической космонавтики Сергея Павловича Королева: „Заняться ракетной техникой меня побудило чтение научной фантастики“. Такое признание действительно шуткой не назовешь. Лет двадцать назад [написано в 1989-ом, т. е., речь – о конце 60-ых гг. XX века] в нашей периодике хотя бы периодически появлялись подобные признания известных деятелей науки и техники. Где всё это сегодня? Сегодня этого нет даже в газетных выпусках, целиком посвящённых вопросам жанра НФ. Почему? Трудно ответить. То ли современное поколение деятелей науки и техники прекратило читать научную фантастику в свои школьные и студенческие годы, то ли в редакциях газет и журналов идёт целенаправленная сепарация поступающих туда признаний, высказываний и пожеланий. Сепарация эта отнюдь не в пользу научной фантастики, но зато конечный продукт сепарации представляет собой весьма калорийное удобрение для той фантастики, которая без прилагательного...»

– отечественный писатель-фантаст Сергей Иванович Павлов говорил тогда о «просто» фантастике, каковая на Западе именуется «фэнтези» и засилье каковой теперь уже и в нынешней России беспокоит его и иных писателей, умеющих предвидеть будущее (какое оно, уже наступившее тогдашнее будущее, о коем тревожились – чуть ниже).

«На страницах газет и журналов бесконечно варьируется одна и та же тема: дескать, да, современный читатель обожает фантастику, но не ту, которая научная, а ту, которая о сегодня, о человеке в современном мире, о морально-этических проблемах, о вопросах нравственности, то есть, понимаете ли, ту фантастику, которая не утомляет мозг новейшими концепциями науки („на кой леший они вообще нужны“), которая о человеке, о движении его души, которая за человека и против „синдрома Маугли“ в электронных джунглях, которых у нас ещё что-то не видно, но которые того и гляди вырастут, если читатель (особенно молодой) будет читать научную, а не просто хорошую фантастику „человековедческого“ направления...»

Что ж, почва – почва нашего нынешнего социально-экономического краха – была тщательно подготовлена, как теми, кто делал сие сознательно и злонамеренно, так и теми, кто, как обычно, руководствовался благими намерениями.

Чем вот руководствовался Борис Натанович Стругацкий, отвечая на вопрос читателя:

«Реальный мир, искажённый одним-единственным фантастическим допущением – вот что такое настоящая добротная фантастика. Реальная провинциальная Англия конца XIX века – только вот Невидимка бродит по округе. Совершенно реальная, до заскорузлости знакомая Москва 1937 года – только вот Сатана объявился на Патриарших прудах. Совершенно реальные, вполне нам понятные и не слишком хорошие люди осваивают дальний Космос – только в контакт они входят с планетой-мозгом... Пока человек интересуется собой и пока работает писательская фантазия, создающая Необычайное, Невроятное, Невозможное, – до тех пор реалистическая фантастика будет процветать. А вот „фантастическая“ фантастика, пытающаяся существовать за счет нагромождения выдумки на выдумку... Хотелось бы мне написать „...умрёт естественной смертью“, но это было бы неправдой. Она существует потому, что всегда были и всегда будут люди с дурным или просто неразвитым пока литературным вкусом. А значит – существовать ей вечно! Аминь»?

Да теми самыми благими намерениями, надо полагать... Потому, что:

«Научная фантастика трактует проблемы взаимодействия Человека и Вселенной, в самом широком смысле этих понятий. Эти проблемы интересны и важны, хотя, в связи со всеобщим разочарованием в возможностях науки, внимание читательской публики к ним сегодня явно пошло на убыль – в сравнении с началом XX века, например. Фэнтези – это современная авторская сказка (в отличие от народной, фольклорной). И НФ, и фэнтези имеют свои блистательные достижения и вершины – „Непобедимый“ Лема, „Штамм АНДРОМЕДА“ Крайтона, сказки Е. Шварца, „31 июля“ Пристли, сам Толкиен, наконец. Но в массе своей обе эти разновидности фантастики представляются мне малоинтересными: НФ – утратила свою изначальную свежесть и своеобычность, а фэнтези превратилась фактически в духовный наркотик – средство уйти из реальной жизни в несуществующие и невозможные миры. Будущее, на мой взгляд, за „реалистической фантастикой“, описывающей реальный мир, лишь искажённый фантастическим допущением. Эта литература сочетает в себе остроту сюжета, могучую игру воображения и жёсткое сцепление с реальностью, без которого, по-моему, художественная литература (то есть рассказ о судьбе человека среди людей) не может существовать по определению».

И о ком говорил Иван Антонович Ефремов, судите сами: (фрагмент беседы И. А. Ефремова с коллегой по перу касательно специфики и значения жанра НФ):

«Видите ли, надо прежде всего договориться о терминах. Научная (это прилагательное в последнее время стали забывать) фантастика призвана экстраполировать развитие знаний, техники, человеческого общества на неограниченное количество лет в грядущее. Призвана будить воображение молодёжи, готовить её к парадоксальным открытиям современной науки... Теперь же многие используют фантастику как литературный приём для построения сатирических произведений... Я не против юмора, но писатель, прежде всего, должен выдавать новую информацию. Если же он топчется на месте, варьирует без конца одну и ту же расхожую мысль, множит слова, а не идеи, стремится каким-нибудь вывертом ошарашить читателя – это не писатель».

(Ефремов, понятно, здесь имеет в виду писателя-фантаста).

Борис Натанович так отзывается [здесь и далее – теперь уже, увы, в прошедшем времени] о Ефремове:

«Это был воистину „матёрый человечик“ – гигант мысли, великий эрудит, блистательный рассказчик и бесстрашный боец. Он был подлинным лидером фантастики 60-х, пролагателем новых путей и защитником всего нового. Конечно, писателем он был неважным, да он и сам не претендовал особо на это звание – считал себя в первую очередь философом, мечтал писать трактаты и „Диалоги“ в манере древних...»

Не буду продолжать цитировать далее его отзыв – о тех, кто относит себя к продолжателям школы Ефремова. Замечу лишь, что Борис Натанович явно несправедлив к ним, так как творчество таких писателей вполне отвечает обозначенному Иваном Антоновичем призванию.

Судя по множеству текстов и высказываний последних двух десятилетий, Борис Натанович полагает, что наилучшее – из возможных при нынешнем «среднестатистическом» уровне нравственного совершенства человека – общество создано в США. В связи с этим уместно обратить внимание и на следующее:

«А как с этим вопросом обстоят дела в США – в стране, где жанр НФ развивается наиболее интенсивно? А там, оказывается, это не вопрос. Там (в США и в других англоязычных странах) научная фантастика называется... «научной фантастикой» и никаких покушений на прилагательное не происходит. Вот русская транскрипция англоязычных эквивалентов

названия жанра НФ: «сайенс фикшн», «сайенс фэнтези», «фэнтасайенс». А «просто» фантастика там называется «фэнтези», и этим названием характеризуется та литературная фантастика, которой ровным счётом нет никакого дела до научного аспекта достижений современной автору цивилизации. Серьёзная разница!

Если учесть, что США, Канада, Великобритания представляют собой территориальные средоточия наиболее высокой компьютеризации общества, наиболее передовой технологии и наиболее наукоёмких производств, то, может быть, нам стоило бы перенять особенности их отношений к жанру НФ и прекратить попытки вытравить из его названия очень существенное прилагательное? Кстати, период этих попыток удивительно точно совпал с периодом нашего удручающего отставания в области научных открытий, научной прогнозтики, научно-технических новых идей».

К сему можно добавить: и соответствующие специалисты, и соответствующие технологии всё более своей родиной имеют уже не вышеуказанные страны и народы, а те страны, которые – всё менее обоснованно – именуют «развивающимися», в отличие от «развитых», – Индию, Китай...

Анекдотический пассаж:

– Что такое североамериканский университет?

– Это место, где русские профессора преподают высшую математику китайцам!..

всё более отражает действительность. Вот вам и результат благонамеренной деятельности тех, кто полагает за настоящую литературу лишь фантастику «реалистическую»!

Причины появления научной фантастики

Сергей Иванович Павлов поясняет причины появления такого жанра, как научная фантастика:

«Хотя первые научные фантасты появились уже в семнадцатом веке, литературный жанр НФ обрёл популярность лишь в девятнадцатом веке, и то – во второй половине. Именно в эти годы вспыхнула литературная звезда великого Жюль Верна. Великим делает писателя его талант, а популярность жанру обеспечивает спрос. И, как известно, спрос рождает предложение. Так или иначе, но рядом со звездой Верна стали вспыхивать разноцветные звёздочки, а потом зажглась звезда первой величины – звезда Уэллса. В наши дни созвездие научной фантастики на небе земной литературы – одно из самых ярких. [Напомню, – написано в 1989-ом. С тех пор созвездие НФ затянули облака невежества и умышленной лжи.] В связи с этим любопытно было бы задаться вопросом: а собственно, почему жанр НФ обрёл спирально развивающуюся популярность лишь за последние сто с небольшим лет? Ведь и техника и наука достаточно прочно определились еще в средневековых торгово-ремесленных и университетских городах. Даже античность была увенчана какими-то техническими и научными достижениями. В чём же дело, почему ни писатели средневековья, ни писатели древнего мира, несмотря на свой очень высокий профессиональный уровень, не создали ничего похожего на жанр научной фантастики? Да, конечно, религиозный дурман, мировоззренческий хаос, узость космогонических представлений, чрезвычайная хилость зачатков системного мышления – всё так. Но, с другой стороны, здание цивилизации и в те времена имело впечатляющие размеры: общественная мораль совершенствовалась, интеллект развивался, искусство рождало такие шедевры, которыми мы восхищаемся по сей день и которыми будут ещё восхищаться наши потомки (а может быть – и представители инозвёздных миров). По какой же причине деятели искусства тех времен не заинтересовались новыми представлениями о грядущем?»

...Сдаётся мне, что литературы новых представлений о грядущем... в античные времена и в средневековье не было потому, что у людей того времени не было грядущего как философской категории мировосприятия. В этом смысле у них было прошлое и настоящее, а вот грядущего как новой, отличной от настоящего, качественно иной будущности их потомков, по-видимому, не было, – мир был для них достаточно статичным, чтобы не иметь причин интересоваться возможными изменениями образа жизни общества в будущем. Они всерьёз полагали (и не без основания), что их потомки будут жить точно так же, как сами они живут в настоящем, поэтому будущее не сулило им ничего особенно уж загадочного. Десятки поколений людей жили в одном и том же ритме жизни, пользовались одними и теми же орудиями труда, имели дело с одними и теми же религиозными догмами, опирались на одну и ту же мировоззренческую систему. Однажды заведённый, как часовой механизм, ритм бытового уклада нарушался тоже довольно однообразно: сменой правителей, актами милитаристского насилия, стихийными бедствиями, в эпоху городов – пандемиями. После этого всё возвращалось на круги своя. Об этом свидетельствуют практически все литературные памятники античности и средневековья. ... Время шло, века сменяли друг друга, а изменения в текущей размеренно жизни были столь незначительны, что поколения людей сменялись чаще, чем менялось лицо привычного им мира.

...Литература новых представлений о грядущем, совершенно очевидно, могла возникнуть только в эпоху достаточно существенных изменений облика мира за время жизни одного лишь поколения людей. Естественно, мера достаточности такого рода изменений чётко коррелируется с образовательно-культурным уровнем различных слоёв населения. Даже в середине прошлого века она была чрезвычайно неодинакова для, скажем, полуграмотного россий-

ского крестьянина, с одной стороны, и, с другой – для писателя В. Ф. Одоевского, раньше Ж. Верна ощутившего потребность приступить к созданию научно-фантастического романа (этот роман под названием «4338-й год», к сожалению, не был окончен). Высокообразованному, проникательному и хорошо информированному человеку, бесспорно, было легче уловить биение пульса нового времени (этим же, кстати, объясняется феномен еще более ранних, «дожюльверновских» научных фантастов – Т. Кампанеллы, И. Кеплера и др.). Но с каждым годом темп изменений привычного облика повседневности нарастал буквально по экспоненте: уже сын потревоженного нами для сравнения сельскохозяйственного персонажа располагал информацией о железной дороге, паровозах, локомотивах, телеграфе, пароходах и, главное, – о машиностроительных заводах. А внук? Внуку пришлось иметь дело с автомобилями, тракторами, аэропланами, кинематографом, беспроводным телеграфом, а во время службы на флоте – со сложнейшими механизмами, электромашинами и механоавтоматикой броненосцев и подводных лодок. Техника в союзе с наукой обеспечила условия полной победы крупной машинной индустрии, попутно обострив социальные противоречия до детонации. Отпыхали войны и революции, и вот уже миллионградусные термоядерные вспышки высветили длинный ряд глобальных неурядиц, взрвали двигатели космических кораблей, ноосфера Вернадского содрогнулась от опережающих друг друга взрывов – демографического, экологического, информационного... Казалось, грядущее опережает сроки своего прихода, волны его вдруг обрели способность захлестывать настоящее. Для сравнения: в первой четверти прошлого века часовых дел мастерами были созданы первые в мире миниатюрные часы для ношения на руке (заказ жены Наполеона I Марии-Луизы), а в последней четверти нашего века автоматическая межпланетная станция прислала нам из космических далей четкие фотографии планеты Уран и его загадочных спутников! Со дня создания первых наручных часов до момента высадки людей на поверхность Луны прошло всего полтора столетия! За каких-нибудь три десятка лет человеческий разум создал себе в помощь разветвленную систему усилителей интеллекта – комплексы электронно-вычислительной техники, – и сейчас ни у кого не осталось сомнений, что овладеть стремительно меняющимися ситуациями в современном мире будет способно только общество высокой компьютерной компетенции. Жанр НФ психологически готовит людей, кстати, и к этому.

...Выводы. Научно-технический прогресс, очень бурно преобразующий ноосферу планеты, всего за двести последних лет многотысячелетней истории цивилизации сместил рычаг глобальных усилий человечества в область весьма напряжённых (продиктованных экономической и военной необходимостью) повседневных забот о быстром совершенствовании технологии и тем самым возбудил интерес к ожидаемым результатам. Другими словами, быстрота научно-технического прогресса породила понятие о грядущем через понятие о настоящем как о строительной площадке грядущего. В этой связи жанр научной фантастики суть литературно-художественный источник новых представлений о грядущем. Ни один другой жанр художественной литературы новыми представлениями о грядущем специально не занимается (в том числе и «фэнтэзи»), поскольку их арена художественной деятельности – настоящее».

Три кита

Творчество Сергея Ивановича зиждется, – говоря символически, на трёх китах (когда-то в древности на этой троице надёжно и незыблемо покоилась Земля), посвящено трём Космосам – космосу Человеческому, космосу Океаническому и космосу Внеземелья.

Первый космос, космос человеческий, скрыт от повседневности. Его присутствие трудно угадать за внешней сферой так же, как не виден привычный нам космос за голубым покровом земной атмосферы. Единственное свидетельство его существования – неизменный поток света и тепла, подобный солнечному излучению, рассеянному в безоблачном небе.

Но время от времени, подобно грозным и загадочным небесным явлениям, блеснёт вспышка духовного подвига, высоконравственной самоотверженности... время от времени выявятся скрытые возможности человека... и тогда одиночки сдвигают горы, а сообщества изменяют неумолимый ход самого времени...

Специалисты, исследующие головной мозг человека, приходят к выводу, что только малая часть, порядка пяти процентов, ресурсов мозга задействована в обыденной жизни. То же самое справедливо и по отношению к физическим возможностям, и к возможностям психики...

Космос человеческий – слепок с космоса океанического. Нашу планету логичнее было бы называть не Землёю, а Океаном – ... семьдесят один процент её поверхности составляют океаны, моря, реки, озёра... Всё живое на планете обязано своей жизнью воде, её пластичным многообразным кристаллам. И так же космос океанический скрыт поверхностью, – то голубой, то синей, то бирюзовой, то ультрамариновой, то почти чёрной... то ровной, как зеркало, то покрытой лёгкой рябью, то волнующейся мириадами колыбелей, то вздымающейся огромными валами и сокрушительными горами цунами... В глубине же – тишина и покой, словно душевное равновесие праведника... в глубине – невиданные и немислимые неисчислимы сокровища подводного мира, будто духовные сокровища мудреца.

К сожалению, несмотря на многочисленные достижения человеческой науки и техники, океанический космос всё так же недоступен и загадочен, так же далёк, как и третий космос, космос Внеземелья. Впрочем, до поры сие хорошо, потому как доросли мы пока только до того, чтобы употреблять зеркало вод мировых в качестве опоры для передвижения, не говоря уж о неком «резервуаре для отходов»...

Третий космос, а если быть точнее, то космос Первый – космос Внеземелья. Сей космос есть прародитель и второго, и третьего. И океан, и человек, по правилу подобия, будто капля воды, отражают и несут в себе свойства Отца. Ещё древние знали, что проявлен сей космос лишь на малую толику, и согласно современным научным представлениям, видимое – так называемое барионное – вещество Вселенной составляет порядка пяти процентов от всей её предполагаемой массы. Основную же часть составляет некая Тёмная материя, невидимое Нечто, непроявленный Мир. Ещё ведические системы знаний различали Шакти – наш, «светлый», мир и Тамас, «антимир», каковую концепцию разделял и Иван Антонович Ефремов в «Часе Быка».

Человеку сей бездонный Кладезь является ночью в виде мириад звёзд, сияющих на непроницаемом чёрном бархате. Лишь недавно сыны человеческие смогли сделать первый шаг к звёздам, выйти во Внеземелье... бескрайний мир, необъятные просторы, открывающиеся для человечества, сумевшего преодолеть своё полумладенческое-полуживотное состояние.

*Две синевы у горизонта скрещены...
Взята вершина – клотки вонзились в небеса!
С небес на землю – только на мгновение:
Едва закончив рейс, мы поднимаем паруса —
И снова начинаем восхождение...
Служение стихиям не терпит суеты,
К двум полюсам ведёт меридиан.
Благословенны вечные хребты
Благословен Великий океан!»*

Как говаривал Владимир Семёнович Высоцкий, – я актёр театра и кино, а песни – моё хобби... так и Сергей Иванович не начинал, так сказать, с «профессионального» литераторства, по профессии он – геофизик.

«В 57-м году прошлого века я увлечённо занимался геофизическими исследованиями, напрямую связанными с нуждами „оборонки“... С той поры миновало полвека, а мне всё ещё трудно смириться с мыслью, что если узбеки надумают обзавестись собственным ядерным оружием, в этом будет и доля моей невольной вины. Пока, слава Богу, там всё в пределах строительства мирных АЭС...».

География экспедиций Павлова – Сибирь, Средняя Азия, Арктика.

«...моя работа была связана в основном с поисками „элемента №1“, то есть – с поисками урана. Позже – с производственными комплексами, где ковалось наше ядерное оружие. Томск, Красноярск...»

Тем и велик, и незауряден человек, что не сужает свои горизонты до «узкой специализации», каковой страдают многие так называемые «гуманитарии» и «технари», ни уха ни рыла не понимающие, а главное – и не желающие понимать ни в технико-технологической сфере, без какой жизнь современной цивилизации невозможна, ни в пресловутой «гуманитарии», – а говоря по-русски – в человеческих и общественных отношениях (о важности коих и толковать нечего), соответственно.

Потому-то и сумели внести заметный вклад и в отечественную, и в мировую – необходимую всем землянам – культуру такие наши соотечественники, как Ломоносов, Циолковский, Вернадский, что были они «широкими специалистами», т. е., полагали своей обязанностью иметь собственное мировоззрение, совершенствовать миропонимание. «Широкому» человеку трудно заблудиться, т. е., перестать понимать окружающее, начать действовать ошибочно, – так же, как невозможно заблудиться человеку, идущему по дороге, ярко освещённой множеством светильников (светильников научного знания), – в сравнении с путником, бредущим по тёмному лесу с фонариком в руках.

Градус широты

Человека широкого всегда удручает узость окружающих, их зацикленность на личных и бытовых проблемах. Тем более, что сия обуженность – чем далее, тем большими опасностями чревата для общего нашего будущего.

Вот характерный пример, описанный Сергеем Ивановичем:

«Хотелось испробовать свои силы в довольно специфическом разделе журналистики – сегодня принято его называть футурологией или прогностикой.

Первый свой очерк я посвятил вопросам освоения человечеством «противоземного» полушария Луны и двух либрационных точек в системе Земля – Луна. Уже тогда меня тревожило понимание того, что Земля как первородина человечества уже исчерпала свой природный антропогенный ресурс и теперь человечеству предстоит самому позаботиться о немедленном переходе от моноглобальной стадии собственного существования к полиглобальной – иначе ему не выжить.

Меня всерьёз удивляло то обстоятельство, что пророческие слова философа-космиста К. Э. Циолковского «Земля – колыбель человечества, но нельзя же вечно жить в колыбели», похоже, никого по-настоящему не трогали. Некоторые люди знали о них понаслышке, но не принимали в расчет как задачу сегодняшнего дня. В сознании этих людей (почти современников Циолковского!) космос, как и в пору средневековья, был наглухо отделён от человеческой повседневности неодолимой небесной твердью.

Единственно доступным для меня, как мне тогда казалось, способом побудить закоснелых в «бытовухе» людей хотя бы мельком ознакомиться с нештучной для их потомков проблемой было бы создание серии очерков «в тему». Идея «Противоземного полушария» мне лично виделась настолько актуальной, что я немедленно отправил очерк почтой... в ближайший районный город... Ни публикации, ни хотя бы официального ответа я не дождался.

Я полистал доступные мне подшивки газет, оценивая их основную тематику. Сделал вывод: о своём первом очерке я могу совершенно спокойно забыть, ибо он «сработал» на большое опережение. На недопустимо большое. Я ввёл поправку и выбрал для второго очерка тему, более доступную для среднестатистического читателя. Знакомить такого читателя с идеей освоения Приземелья надо было весьма ненавязчиво – начиная с азбучных истин.

Второй мой очерк был посвящён уже тогда витавшей в воздухе идее запуска искусственных спутников Земли на околоземные орбиты. Развивая идею, я деловито объяснил, зачем, собственно, такие запуски необходимы. Кульминацией очерка служила твёрдая уверенность автора: первые запуски ИСЗ состоятся если и не в этом (1957-м) году, то в следующем – обязательно. О реальных космоперспективах того времени я знал, пожалуй, даже чуть больше, чем самый осведомлённый журналист, ибо часто встречался со своим школьным товарищем, однокашником Виталием Севастьяновым. (Трудный путь в космос дважды герой В. И. Севастьянов начинал инженером в составе группы разработчиков первых отечественных ИСЗ...).

Новый очерк был оставлен в редакции одной из ташкентских газет республиканского значения, а автор поехал в отпуск к родителям в Сочи, где обычно происходили встречи с Севастьяновым. Но на сей раз встреча не состоялась – по неизвестным причинам отпуск Виталия Ивановича был отложен...

«Великое Внеземелье! – подумалось мне. – Неужели наш мир уже сегодня стоит на пороге Космической Эры?!..».

В Ташкент я вернулся с крыльями за спиной. Но письменный ответ, который я получил из ошастливленной мной, как я полагал, солидной газеты, был подобен ушатую ледяной воды.

Строки рецензии прыгали у меня перед глазами: «неоправданно экспрессивный стиль»... «очерковая фантасмагория»... «автор с воспалённым воображением»!.. Рецензента особенно раздражала «склонность автора к пророческой тональности». В финальном абзаце рецензент не удержался от антипрогноза. Прошло полвека, но я ещё помню центральную мысль антипрогноза почти дословно: «А долгожданное реальное, невыдуманное Рождество Космической Эры, которое автор готов провозгласить уже в этом году, человечество будет праздновать, очевидно, только в следующем веке».

Ну, разумеется. Газета просто обязана защитить ранимые читательские мозги от фантасмагорических инсинуаций всяких там лжеочеркистов.

Самое ужасное – защитный сей документ был подписан заведующим редакционным отделом науки и техники. Это было хуже, чем приговор. Это был окончательный диагноз, который пересмотру не подлежит.

Поддавшись минутной слабости в состоянии ошеломительного разочарования, я разорвал историю своей журналистской болезни, клочки сбросил в урну, откуда вился смрадный дымок догорающих окурков. И со временем, конечно, забыл бы об этом. Но буквально через неделю (4-го октября 1957 года) на околоземной орбите запел наш знаменитый «Бип-Бип», и весь мир, празднуя Рождество Космической Эры, повторял русское слово «спутник»! Свершилось!..

Как неудачливый волонтер я с чистой совестью и незапятнанной репутацией мысленно покинул армию уважаемых мной журналистов и без колебаний мысленно примкнул к отряду особого литературного фантназначения. По счастливому совпадению мне повезло в тот же год – первый год Космической Эры – наблюдать в дивную ночь полнолуния в горах Нуратау лунную радугу. Необычное и до жути красивое метеозрелище!.. Двадцать лет спустя я позволил себе использовать узаконенное наименование этого очень редкого природного явления в качестве названия для своего космического фантромана. Теперь любители фантастики считают роман «Лунная радуга» моим лучшим литературным произведением. Я не возражаю. На сегодняшний день. В будущем, правда, ещё надеюсь читателям кое-что предложить».

Школа Ефремова

Первую известность писателю принесла повесть «Акванавты» (переизданная затем под названием «Океанавты»). Эту повесть заметил Иван Антонович Ефремов и порекомендовал её к публикации в издательстве «Молодая гвардия».

Чувство благодарности – прекрасное человеческое чувство. Вдвойне оно прекрасно тогда, когда чувство едино с разумом, когда благодарность сия выражается в следовании тем же трудным путём, будучи основана на общем Деле, деле всей жизни. (Иван Антонович ушёл из жизни спустя четыре года после публикации «Акванавтов»... в этом же году Сергей Павлов уходит из геологии и поступает на Высшие литературные курсы при Литературном институте им. А. М. Горького в Москве.) Сергей Иванович, как и многие наши писатели, мыслители, соотечественники, понимал огромную значимость трудов Ефремова, так отозвавшись о его деятельности:

«...до последних дней своих был полон деятельного жизнелюбия, высоких человеческих страстей, научных идей и художнических замыслов, этот крупнейший писатель-фантаст нашего времени, гуманист, ученый, романтик».

В мае нынешнего года [2008-ой] исполнилось двадцать лет Всесоюзному творческому объединению молодых (теперь уже – известных, маститых и... далеко не молодых), писателей-фантастов, назвавших себя «Школой Ефремова», председателем коего был Сергей Павлов.

«...считая Ивана Антоновича Ефремова «великаном, поднявшим на своих богатырских плечах всю современную научную фантастику мира» сквозь всё своё творчество в дальнейшем пронёс приверженность его «школе»: «В творческом отношении я считаю себя участником прогрессивного литературного движения, известного под названием «Школа Ефремова». Таким образом, как и сам Иван Ефремов, я вправе считать себя врагом безнравственности и регресса, ощущаю свою ответственность за планету Земля и окружающее её Внеземелье».

По инициативе Сергея Ивановича был учреждён приз «Кубок Андромеды». Вручение его состоялось, увы, всего единожды – в августе 1987 года фантасту и издателю Юрию Медведеву... Объявленная перестройка закончилась перестрелкой, было не до фантастики – действительность обернулась изощрённейшей антиутопией.

Самым серьёзным вкладом Сергея Ивановича в отечественную и мировую фантастику явился цикл «Лунная радуга»: романы «По чёрному следу», «Мягкие зеркала», «Волшебный локон Ампары» (первая книга коего вышла в последний год существования Союза Советских Социалистических Республик, а вторая – спустя шесть лет, в 1997-ом).

«Далее Павлова увлекает палеолингвистика – им был найден и предложен лингвистам метод реконструкции археоморф, позволяющий выявить изначальный смысл многочисленных древних названий и имен, а также современных слов и понятий. Первые свои наработки в этой области Сергей Павлов публикует в книге «Москва и железная «мощь» Святослава. О происхождении названия «Москва» (1999), потом далее развивает в книге «Богу – парус, кесарю – флот: опыт палеолингвистики» (2002).

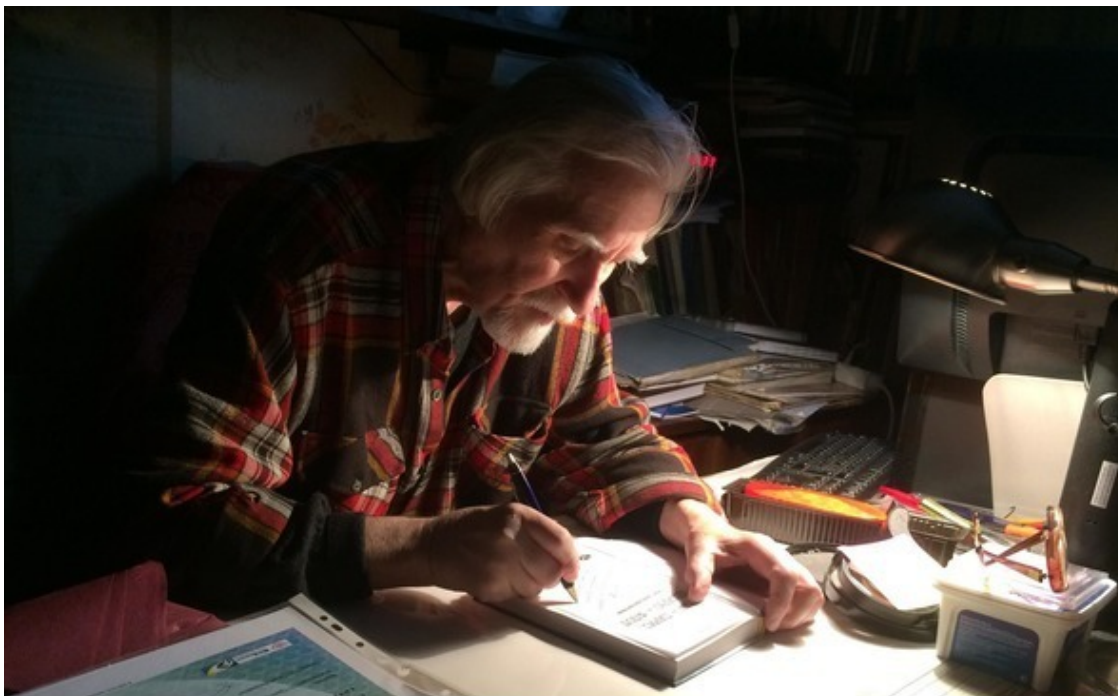
В 2005 году Сергей Павлов вновь возвращается в фантастику и приступает к работе над произведением под рабочим названием «Белый всадник», место которому, по словам автора, между «Лунной радугой» и «Волшебным локоном Ампары»...

Нет, вероятно, необходимости пересказывать своими словами «краткое содержание» упомянутых произведений – лучше знакомиться с содержанием, так сказать, в оригинале. Но что необходимо отметить, так это характерное совпадение мнений читателей (какое сов-

падение – явление не столь уж частое; чаще, пожалуй, одно и то же произведение вызывает едва ли не диаметрально противоположные оценки). Выразил сие мнение лётчик-космонавт СССР и России Виталий Севастьянов:

«Павлов обладает редким для писателей-фантастов даром очень реалистически изображать фантастические ситуации. Фантастические миры, живописно смоделированные на страницах произведений Сергея Павлова, всегда плотно населены, осязаемы, зримы». Сергей Иванович, вторя ему, сказал как-то о себе: «Я космонавт, который не летал», а о направленности своего творчества так: «По большому счету, всё мое художественное письмо (за исключением разве что „Акванавтов“ и „Ангелов моря“) составляет единый цикл под названием „Внеземелье“. В этом очень важном для меня цикле я как художник-футуролог или, если угодно, футуролог-мыслитель пытаюсь, и буду продолжать пытаться побуждать современных землян всё-таки шире использовать своё древнее преимущество перед животным миром – способность трезво обдумывать будущность человеческого бытия, увереннее размышлять о Грядущем».

Интервью в эпистолярном жанре

В 2015-ом году Новой Эры (как давно уже не встречал сего выражения!.. сумели-таки нас перевести назад, к «рождеству-переселению-уходу в нирвану»...) исполнилось 80 лет нашему современнику, Сергею Ивановичу Павлову, русскому, ранее советскому, а ныне российскому (но не изменившему, в отличие от немалого количества успешно перестроившихся товарищей, ни на йоту своим идеалам), писателю.

Прежде всего, писателю-фантасту, в прежнем – весьма ныне девальвированном – превосходном, добросовестном научно-техническом (подразумевающим таких мыслителей, как Иван Антонович Ефремов – а Сергей Иванович является основателем отечественной «Школы фантастики»/«Школы Ефремова» – или Станислав Самуилович Лем) смысле сего слова...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.